

ТАПДЫГ КЕРИМОВ*

УПОРСТВО КРИТИКИ И ТУПИКИ ПОСТКРИТИКИ**

Получено: 20.02.2023. Рецензировано: 13.03.2023. Принято: 05.04.2023.

Аннотация: Изменение критической практики в гуманитарных науках в начале XXI в. можно содержательно охарактеризовать как «посткритический поворот», который во всем своем многообразии и напряженности реализуется на пересечении двух процессов. С одной стороны, это процесс истощения традиционной критики, погруженной в герменевтику подозрения, т. е. в идеологический и симптоматический способ разоблачения, трансформировавшийся со временем в параноидальный релятивизм. С другой стороны, формирование диспозитива постистины, который обесценивает истину как критерий и средством коммуникации и тем самым растворяет критику в скептическом фанатизме, релятивизме и даже нигилизме. В статье раскрываются теоретические предпосылки и мотивы «посткритического поворота» в гуманитарных науках, основные принципы посткритики, трудности, с которыми она сталкивается в процессе обновления традиционной критики. Общий аргумент статьи состоит в том, что, несмотря на некоторые обоснованные заявления посткритики, призывами к позитивности и примирению она рискует исключить критические точки зрения, так же как лиминальные и радикальные способы политизации вещей. В свете современной проблематизации истины, фактичности и объективности отношение между критикой и посткритикой следует воспринимать не через противопоставление негативности и позитивности, а скорее через взаимодействие, диалог методологий. Посткритика в этом контексте будет означать дифференциацию и плюрализацию критики, выработку путей взаимодействия множественных форм критики. Статья начинается с определения теоретических предпосылок и мотивов истощения критики. Во второй части статьи проясняется посткритическая идея обновления критики. Наконец, в заключительной части рассматриваются трудности, с которыми сталкивается посткритика и которые серьезно осложняют предпринятую ею попытку обновления критики.

Ключевые слова: критика, герменевтика подозрения, посткритика, позитивность, актуализм, имманентизм, децентрация, плюрализация.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-60-85.

Корни критики как доминирующей формы гуманитарного познания восходят к началу 1970-х годов прошлого столетия, когда в вопросах, касающихся ее статуса и функционирования, отчетливо артикулируется относительное согласие. Примирительная позиция, разделяемая

*Керимов Тапдыг Хафизович, д. филос. н., заведующий кафедрой социальной философии; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург), kerimovt@mail.ru, ORCID: 0000-0002-2286-8412.

**© Керимов, Т. Х. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

разными интеллектуальными течениями, заключалась в постулировании критики в качестве *modus operandi* гуманитарных наук. Марксизм, психоанализ, постструктурализм, деконструкция — образцовые воплощения этой позиции. Их объединяла программа разоблачения иллюзий сознания и культуры, обусловленных различными социальными, политическими, лингвистическими и психическими механизмами. В этом своем качестве критика со временем настолько прочно вошла в жизнь общества, стала настолько привычной, что ничто не могло ускользнуть от ее пристального взгляда. Вездесущность критики уже предвещала грядущие перемены в ее содержании и функционировании.

Сегодня проблема критики встает перед нами в совершенно другом контексте. Об этом изменении свидетельствует тот факт, что критика подвергается радикальной дискредитации. Положение критики становится критическим, так что самыми разными исследователями была выдвинута гипотеза о «посткритическом повороте» в гуманитарных науках. Но контекст проблемы критики трансформировался и исходя из требований социальной практики и тех вопросов, которые были поставлены в ситуации постистины. Ибо нужно признать: критика, довольствующаяся развенчанием доминирующих идеологий и разоблачением общепринятых фактов, воспроизводит присущий дискурсу постистины механизм релятивизации и не в состоянии отличить себя от фанатично отстаиваемых убеждений.

Цель этого исследования — раскрыть предпосылки и мотивы «посткритического поворота» в социальных и гуманитарных науках, принципы и содержание посткритики, а также спорные моменты, присущие предложенному ею способу обновления критики. Помимо того, что критика представляется в качестве непреодолимого горизонта для любого серьезного и легитимного исследования в гуманитарных науках, можно выделить две причины обращения к проблеме ее трансформации. Во-первых, она дает полезную точку сравнения, с которой можно оценить новизну и ценность посткритики. Во-вторых, посткритика претендует на построение нового образа гуманитарных наук и их более эффективного использования в неолиберальной дисциплинарной и исторической ситуации, и эта претензия заслуживает ответа. Предлагая такой ответ, мы исходим из того, что, несмотря на некоторые обоснованные заявления посткритики, она сталкивается со многими трудностями именно в силу потенциальной маргинализации традиционной критики. Нам следует остерегаться как апологии разоблачения, столь излюбленного принципа критической традиции, так и посткритической установки

прекраснодушия, вызывающего к позитивности и примирению. В конечном итоге здесь идет речь о приглашении к диалогу: общий аргумент состоит в том, что посткритика значительно выиграла бы в силе и убедительности не в результате отбрасывания или игнорирования критики, а вследствие более дифференцированного ее понимания. Такое понимание неизбежно ведет к децентрации критики, ее дифференциации и плюрализации. И поскольку разные формы критики оказываются в известной мере равнозначными, решающим становится вопрос об их сочетании, их взаимодействии и взаимопонимании. Соответственно, вопрос о критике возвращается как ее метакритическое отступление, постоянно деконструирующее само себя, проверяющее свои собственные предпосылки и протоколы, устанавливающее и оценивающее свои условия возможности.

КРИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРИТИКИ

С начала нынешнего века ценность и функция критики в социальных и гуманитарных науках все чаще подвергается сомнению. Большинство недавних исследований в различной степени фиксируют это сомнение по отношению к критике, но возможно выделить ряд общих элементов, и наиболее важный из них — желание преодолеть «доминирующую парадигму в посткантовской философии» (Davies, 2018: 83), которая растворяет критику в скептическом фанатизме и, как следствие, в релятивизме и даже в нигилизме. К. Мейясу с большой пронизательностью отмечает внутреннюю связь критического проекта И. Канта и современного фанатизма:

Современный фанатизм не следует принимать лишь за воскрешение архаизма, яростно противостоящего достижениям западной критической рациональности, потому что он, напротив, — результат критической рациональности (Мейясу, Медведева, 2015: 68).

Истинная драма критики разыгрывается здесь: именно благодаря критической рациональности обесценивается сама идея критики, в результате чего она превращается в скептический фанатизм, становится не только тщетной, но и бессмысленной. Это обращение к критическому проекту не может быть понято без короткого напоминания о роли корреляции мышления и бытия в нем и ее последствий относительно статуса критики.

Критический проект стремился избавить философию как от идеологического догматизма, так и от скептического фанатизма (Кант, Лосский,

2006: 44). Тогда как догматик начинает с неоспоримых допущений, скептик ставит под сомнение все допущения с тем, чтобы объявить любое метафизическое начинание необоснованным. Но их противоположность — мнимая. Как поясняет Кант, и догматизм, и скептицизм основаны на исследовании «фактов», а не границ и возможностей самого разума. Они соперничают друг с другом с единственной целью — заявить свои права на реальное, на один и тот же мир фактов:

...не фактам разума, а самому разуму дается оценка с точки зрения всей его способности и пригодности к чистым априорным знаниям. Это не цензура, а критика разума, посредством которой не только угадываются, но и доказываются на основе принципов не только пределы, а определенные *границы* разума, не одно лишь неведение в той или другой области, а неведение во всех возможных вопросах определенного рода (Кант, Лосский, 2006: 559).

Строго говоря, критический проект игнорирует бесплодные споры между сторонниками догматизма и скептицизма. Это утверждение может показаться чрезмерным преувеличением, но его следует понимать только в том смысле, что оценка любых других философских позиций, в том числе догматизма и скептицизма, дается на основе установления самой *идеи критики*. Последняя заменяет вопрос об объективности фактов или об истине как отношении между представлением и реальностью вопросом о корреляции между мышлением и бытием, согласно которой невозможно мыслить независимый от мышления или языка мир: «мир имеет смысл только как данный-живому-(или мыслящему)-существу» (Мейясу, Медведева, 2015: 27). В этом отношении корреляционизм выступает фундаментальной «эпистемологической диспозицией» (Фуко, Визгин и Автономова, 1977), в соответствии с которой существование реального возможно только как фрагментация или конечность представления. Эта диспозиция возникает в результате антропологического удвоения, связывающего конечность познания с конечностью человеческого бытия: отныне реальное дается только благодаря человеческому опосредованию и никогда само по себе.

Корреляционизм выражается преимущественно в двух основных философских решениях. В то время как «слабый» корреляционизм, представленный критическим проектом Канта, отрицает познаваемость вещи самой по себе, «сильный» корреляционизм постулирует не только ее непознаваемость, но и ее немыслимость. Второе решение корреляционизма — это тезис о «неизбежной фактичности» того, что дается мысли. Поскольку структурные инварианты мира представляют собой факт,

необходимость которого никаким образом не может быть обоснована, их следует просто принять как данность. Фактичность — это форма рефлексивного невежества:

В конце концов, мышление должно будет принять конечную данность — простой факт языка, восприятия, опыта или желания, — которую оно не в состоянии рационально обосновать или вывести из чего-то более фундаментального (Backman, 2016: 44).

Теперь понятно, почему критический проект способствует растворению критики в фанатизме. Критическая философия, с одной стороны, лишает основания классические формы догматизма, ссылаясь на корреляцию мысли и бытия. Но, с другой стороны, такая делегитимация становится возможной благодаря связыванию любого притязания на абсолют дополнением «для нас». Финитизация разума, начатая критическим проектом Канта, лишает философию (в «сильном» корреляционизме) каких-либо догматических или спекулятивных требований. Но тем самым высвобождается пространство для веры, прежде занятое метафизическими абсолютами. Именно это безупречное «для нас» корреляционизма создало условия для появления новых, фанатичных форм религиозности. Религиозность возвращается — не только религия, но и все формы фанатичной защиты «абсолюта для нас»: Мейясу называет это положение дел «скептико-фидеизмом», «фидеизмом любой веры» (Мейясу, Медведева, 2015: 64). Общая постсекулярная апология религиозности как таковой лишает основания догматизм, причем так, что в конечном счете критическая философия не в состоянии отличить себя от любого другого убеждения.

Проблема «сильного» корреляционизма заключается в том, что, поскольку он не в состоянии обосновать бесосновность мира, он оставляет открытой возможность (равно как и невозможность) всякого притязания на абсолют. Отныне все притязания на абсолют одинаково легитимны именно в силу их нелегитимности. Сущностная неопределенность устраняет абсолютную истину, надежда на которую теплится лишь в نابожности. Вера как таковая становится единственным способом доступа к абсолюту. В результате абсолют разбивается на множество убеждений, каждое из которых так же легитимно, как и любое другое, поскольку ни одно из них не способно объяснить бесосновный мир. До тех пор пока мысль остается ограниченной сферой фактичности, единственный способ, которым одно убеждение может быть подвергнуто критике или оправданию, верификации или пересмотру, — это использование

другого убеждения. Невозможно критиковать и / или верифицировать убеждения, невозможно на законных основаниях отдать предпочтение какому-то образу мышления или действия перед всеми другими. Любая подобная попытка впадает в догматизм, ибо абсолютизирует строго определенный набор убеждений, с точки зрения которого оцениваются все другие. Философски обоснованная «вседозволенность» блокирует возможность определения тех самых критериев, в соответствии с которыми можно было опровергнуть нежелательные дискурсы, лишает нас логической аргументации, и нам ничего не остается, кроме жалкой критики фанатизма в чисто моральных терминах.

Отсюда бессилие тех, кто критикует современный обскурантизм с точки зрения морали, потому что если ничто абсолютное не мыслимо, то ужаснейшее насилие может быть оправдано исходя из трансцендентного, доступного лишь немногим избранным (Мейясу, Медведева, 2015: 65).

Именно в этой перспективе следует увидеть ставку и весь парадокс критической деятельности в гуманитарных науках. В самом деле, какой смысл может иметь критика, если в ситуации «демократизации» мышления все формы мысли, все философии, маскирующиеся под популярный стиль и ориентирующиеся на авторитет конкретных научных исследований, одинаково легитимны, т. е. нелегитимны в силу их безосновности? Не означает ли это, что любое возможное пространство для критики безвозвратно закрыто?

В известной статье «Почему выдохлась критика? От реалий фактических к реалиям дискуссионным» Б. Латур обращается к проблеме, которая находится в центре дискуссий вокруг дискурса постистины: если все перспективы обладают одинаковым онтологическим статусом без общепринятого стандарта их сравнения и оценки, то научные результаты теряют свою значимость. Дискурс постистины, подобно «фидеизму любой веры», сочетает в себе релятивизацию и натурализацию, скептицизм и конспирологию. Он не просто релятивизирует истину, но и натурализует веру в конкретные «факты». Среди многих аргументов и фактов, которыми Латур подкрепляет свою мысль об этом сочетании релятивизации и натурализации, есть отсутствие научной определенности в вопросе глобального потепления, теории заговора, объясняющие события 11 сентября 2001 года, заявления о том, что высадка на Луну была всего лишь инсценировкой.

Что случилось с критикой, если французский генерал — нет, маршал критики — Жан Бодрийяр в своей книге заявляет, что башни-близнецы обрушились

под давлением собственного веса, что их обрушил предельный нигилизм, присущий самому капитализму, как если бы к самоуничтожению управляемые террористами самолеты влекло мощное притяжение черной дыры небытия? Что случилось с критикой, если книга, в которой утверждается, что никакой самолет в Пентагон не врезался, становится бестселлером? (Латур, Потемкин, 2015)

Растворение критики в скептицизме и нигилизме приводит к тому, что Латур называет «мгновенным ревизионизмом»:

Помните те славные дни, в которые ревизионизм возникал много позже события, когда все факты уже были тщательно установлены, спустя десятилетия после того, как был собран весь корпус доказательств? (там же)

Сейчас мы сталкиваемся с совершенно другой ситуацией: едва рассеялся дым события, как возникают многочисленные теории заговора, переписывающие и деконструирующие официальную версию случившегося, «добавляя новые разрушения и еще больше сгущая дымовую завесу» (там же). Последний шаг на этом пути дискредитации критики делают «неискушенные простаки», которые смотрят свысока на университетских профессоров, потому что они в силу своей наивности верят в факты:

Все сильно изменилось — по крайней мере, в моей деревне. Теперь уже я, в силу своей образованности, наивно верю в факты, а остальные недостаточно искушены, чтобы быть доверчивыми: «Ты где был-то? Неужели ты не знаешь, что все это — дело рук Моссада и ЦРУ?» (там же)

Латур отмечает нечто «тревожно схожее» в самой структуре аргументации Ж. Бодрийяра и деревенского жителя в Бурбонне, выражающееся «в изначальном жесте неверия, за которым следуют каузальные объяснения, всплывающие из темных глубин» (там же).

Критика странным образом играет на руку скептицизму, релятивизму и даже нигилизму, способствуя росту всеобщей подозрительности в отношении к реальности в силу ее заикленности на разоблачении. Ибо, согласно Латуре, критика парадигматически состоит из двух «разоблачений» («позиции вымысла» и «позиции факта»), которые и призваны показать слепоту людей к происходящему. «Позиция вымысла» разоблачает наивную веру людей в объекты или объективные факты, демонстрируя, что они представляют собой проекцию их собственной деятельности. «Позиция факта» объясняет само поведение людей действием недоступных им объективированных природных или

социальных фактов, таких как наследственность, власть, дискурс и т. д. При всей их кажущейся противоположности обе позиции тяготеют к конспиративному редукционизму.

Разумеется, конспирологические теории являются абсурдным искажением наших собственных аргументов, и все-таки это наше оружие, пусть и провезенное контрабандой сквозь плохо охраняемую границу и попавшее в руки противника. И несмотря на все деформации, на нем еще можно различить клеймо «Сделано в Критикаленде» (Латур, Потемкин, 2015).

Латур выступает за новый «критический диспозитив», призывая критиков перейти от идеала разоблачения к духу заботы и защиты, от чувства превосходства к духу сотрудничества и щедрости. Предложение Латура состоит в отказе от негативной, деструктивной или деконструктивной модели критики, основанной на фактических реалиях, и переходе к идее позитивной критики, опирающейся на дискуссионные реалии¹. Вместо того чтобы принимать сторону «позиции фактов» или «позиции вымысла», мы должны стремиться прийти к «честной позиции», которая уважает сингулярность и автономность вещей и в то же время описывает их референциальные взаимосвязи. Назначение критики «не в том, чтобы разоблачать, а в том, чтобы оберегать и заботиться» (там же). Вместо того чтобы критиковать или разоблачать, философия и гуманитарные науки должны предоставить средства для созидания и конструирования или, лучше, «объединения». Критик — это тот, кто устанавливает отношения, беспокоится о возможности новых опосредований, прослеживает связи и создает новые сборки.

Критик — это не тот, кто разоблачает, но тот, кто объединяет... Не тот, кто... вслепую колеблется между антифетишизмом и позитивизмом, но тот, кто понимает, что, если нечто сконструировано — значит, оно хрупко и требует огромной заботы и внимания (там же).

Тем не менее нужно еще выяснить, в какой степени и в каком статусе идея критики может сохранить смысл в ситуации, когда мы по разным причинам больше не можем довольствоваться разоблачением скрытых значений, идеологических импликаций и репрессированных содержаний. Иначе говоря, как мыслить критику после опустошительных действий негативной, деконструктивной модели на базе нового «критического

¹Показателен в этом смысле пример отношения Латура к Канту: «Долой Канта! Долой критику! Вернемся в мир, все еще непознанный и презираемый» (Латур, Кузнецов, 2012: 138).

диспозитива», определяющего рамки современной рефлексии по поводу гуманитарных наук?

«ПОСТКРИТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Обеспокоенность Латура критическим положением критики способствовала формированию широкого теоретико-методологического движения в гуманитарных науках в начале XXI столетия, которое содержательно характеризуется как «посткритический поворот»². По мнению Э. Анкер и Р. Фельски, изложенному во введении к «Критике и посткритике»,

всего несколько лет назад трудно было представить, что идея посткритики получит значительное распространение в литературоведении и культурологии. В настоящее время мы находимся в процессе перекалибровки мышления и практики, последствия которой трудно предсказать (Anker & Felski, 2017: 1).

Важным стимулом обоснования посткритического подхода становится «онтологический поворот» в социальных науках (Керимов, 2022). Существенным усилением этого стимула оказываются некоторые идеи акторно-сетевой теории, объектно-ориентированной онтологии, нового материализма, различных поворотов к экологии и «нечеловеческому». Но именно в литературоведении и культурологии мы встречаемся с наиболее яркими представлениями посткритики: «некритическим чтением» (Warner, 2004), «репаративным чтением» (Sedgwick, 2003), «поверхностным чтением» (Best & Marcus, 2009), «описательным чтением» (Love, 2010), если ограничиться наиболее показательными примерами³. В конечном счете за всеми этими усилиями стоит задача построения позитивного образа гуманитарных наук перед лицом растущего скептицизма в отношении их ценности и обновления функции и содержания критической деятельности на этой основе.

Прежде всего, необходимо уточнить, каким образом посткритика мотивирует идею обновления критической деятельности в философии и гуманитарных науках. Последняя, по мнению Р. Фельски, неразрывно

²Некоторые авторы предпочитают объявить двадцать первый век «эрой посткритики» (De Sutter, 2019: 209).

³Дж. Дж. Уильямс отмечает, что данные подходы способствуют установлению «новой скромности в литературной критике», объясняя это тем, что «критики стали более сдержанными, применяют методы с менее грандиозными спекуляциями, более эмпирическими исследованиями и более широким использованием статистических или других данных. Их цель — чтение, описание и добывание данных, а не „вмешательство“ всемирно-исторического значения» (Williams, 2015).

связана с герменевтикой подозрения⁴ — интерпретацией, сосредоточенной на разоблачении и раскрытии того, что остается недосказанным и скрытым в произведениях литературы, искусства или другого культурного творчества⁵. Классическими примерами герменевтики подозрения являются марксизм, генеалогия, психоанализ. Каждый раз объект исследования в этих традициях интерпретируется как эффект классовых, властных или либидинально-символических отношений. В философии и гуманитарных науках этому способу практической критики доверяют до такой степени, что он воспринимается как единственно возможный. Такая критика носит диагностический и симптоматический характер в том смысле, что читатель ищет симптомы, указывающие на скрытые преубеждения.

Симптом — это своего рода код... средство, с помощью которого тело или культура непреднамеренно раскрывает то, что лежит под поверхностью, намекая на скрытые или подавленные реальности. Задача критика состоит уже не в уточнении сказанного, а в поиске недосказанного (Felski, 2015: 60).

Критика в то же время является параноидальной. В области критической теории, как предполагает И. К. Седжвик, паранойя — это способ интерпретации, характеризующийся имплицитным предположением о том, что мы знаем заранее «хорошее» и «плохое» для нас и для общественной жизни в целом и, соответственно, можем отличить знания и практики, способствующие социальной справедливости или, наоборот, блокирующие ее⁶. Таким образом, параноидальная критика питается

⁴По выражению П. Рикёра, «такая герменевтика — это не экспликация объекта, а срывание масок, интерпретация, обнажающая и разоблачающая» (Ricoeur, Savage, 1977: 30).

⁵«Герменевтика подозрения» включает в себя, помимо «мастеров подозрения» Маркса-Ницше-Фрейда, Франкфуртскую школу, структурализм и постструктурализм, постмодернизм, феминизм, новый историзм и т. д. Этот стиль мышления получил поразительное выражение в симптоматическом чтении Л. Альтюссера и Ф. Джеймисона, критике идеологии Р. Барта, Ж. Делёза и С. Жижика, дискурсивном анализе М. Фуко, деконструкция Ж. Деррида и некоторых версиях литературной и культурной критики.

⁶Седжвик вслед за М. Кляйн понимает паранойю не как патологию, а как «позицию», которую Я занимает по отношению к себе и к своим хорошим и плохим частичным объектам. Плохие частичные объекты вызывают тревогу и страх, а хорошие — облегчение и утешение. Согласно Кляйн, параноидальная позиция младенца или взрослого, маркированная ненавистью, завистью и тревогой, представляет собой позицию постоянной настороженности по отношению к плохим частичным объектам, которые он, защищаясь, проецирует на окружающий мир. В депрессивной позиции младенец или взрослый, используя собственные ресурсы, синтезирует плохие и хорошие частичные объекты в нечто целое, с которым он отныне будет отождествлять себя и которое будет служить ему утешением и поддержкой (Sedgwick, 2011).

состоянием постоянной тревоги и настороженности, направленным на обнаружение и разоблачение «плохого» (т. е. пагубных форм власти, угнетения, насилия, эссенциализма или стереотипов). «Первый императив паранойи: не должно быть неприятных сюрпризов... Паранойя требует, чтобы плохие новости всегда были уже известны» (Sedgwick, 2003: 130). Отсюда вытекает решающий принцип параноидальной критики — принцип разоблачения.

Паранойя, как бы она ни объясняла свою собственную мотивацию, характеризуется тем, что на практике придает исключительное значение эффективности знания как такового — знания в форме разоблачения... (ibid.: 138)

Но такая критика носит циркулярный характер, поскольку в объектах анализа упреждает и выявляет, прежде всего, пустоты, негативности, опасности. Более того, никакое разоблачение проблемы не гарантирует ее решения. Эмпирические данные, как утверждает Седжвик, противоречат предположению, что разоблачение проблем ведет к их решению, поскольку связь между разоблачением и трансформацией сложна, условна и во многом непредсказуема. Получение более или менее точных данных о какой-то проблеме необязательно приводит к каким-либо действиям. Она пишет:

Некоторые разоблачения, некоторые демистификации, некоторые свидетельства на самом деле обладают большой действенной силой (хотя часто неожиданной). Однако многие из них, столь же истинные и убедительные, не имеют никакой силы, и коль скоро это так, нужно признать, что эффективность и направленность таких актов не связаны со знанием как таковым (ibid.: 141).

Исследуя современную риторику критики, Фельски подчеркивает несколько решающих моментов. Критика вторична: она несамодостаточна, смысл ее существования заключается в ее симбиотической зависимости от предшествующего текста. Но критика, несмотря на концептуальную и темпоральную зависимость от комментируемого текста, господствует над ним, поскольку, используя «скальпель контекста», навязывает ему, вопреки всем ожидаемым сопротивлениям, иные смыслы, идеи, всегда уже присутствующие в нем, но невидимые для других.

Критик, как ловкий фокусник, достает кролика из шляпы и показывает, что произведение искусства таит в себе зародыши самокритики. «Допрашивая» текст, он заставляет его раскрывать свои ошибки, оплошности, упущения, недосмотры и просчеты (Felski, 2015: 122).

Критика негативна: она занимается поисками недостатков, существует в модусе противостояния, осуждения, исправления. Распространенная стратегия негативной аргументации — это «дефляция через инверсию»: критик предлагает читателю заманчивую или многообещающую перспективу только для того, чтобы отбросить ее и заменить ее противоположностью. «Розовые очки срываются с наших глаз, когда мы в очередной раз убеждаемся в абсурдности любой рудиментарной крупицы оптимизма» (Felski, 2015: 128). Критика интеллектуальна: она тяготеет к саморефлексивности. Сфера ее деятельности — это наблюдение второго порядка, а ее цель — самообъективация, дефетишизация любого спонтанного или непосредственного понимания. Отсюда очевидная асимметрия между критичными исследователями и некритичными акторами, академическим и повседневным мышлением.

Не пора ли отказаться от логики «собака на сене» определенного стиля аргументации, когда ученые присваивают себе точку зрения неутомимого и бдительного мыслителя, отказываясь при этом распространить эту же способность на те неискушенные души, о которых они говорят? (ibid.: 139–140)

Критика исходит снизу: она носит иконоборческий характер, выступает против власти, разоблачает несправедливость закона. Она приобретает подчеркнуто политический, а также моральный вес, восходя от обобщенного Иного к некоему воображаемому авторитету или гегемонии. Наконец, критика не терпит соперников: она антагонистична, не допускает мирного сосуществования с другими формами мысли. Стремление к еще большей критичности, миметизм являются ее неотъемлемой чертой.

Подобная стилистика мышления влечет за собой далеко идущие последствия. Односторонний взгляд критики на объект исследования, его аффективное подавление, руководствующееся целями его разоблачения, оспаривания или даже ниспровержения, блокируют многие другие черты его привлекательности: эстетическое удовольствие, нравственные размышления или эмоциональное утешение. Укорененность в методологической асимметрии приводит к тому, что объекты, произведения искусства или интеллектуальные аргументы становятся точкой приложения в различных играх внешних — социальных, культурных, психоаналитических, исторических или лингвистических — сил. Критика, повторяя раз за разом одни и те же вопросы, неизбежно ведет к предсказуемым результатам, отражающим априорные метафизические позиции интерпретаторов.

Теперь мы можем перейти к обсуждению существования посткритической идеи обновления критики. Разумеется, далеко не все описания посткритического подхода согласуются между собой. Но если взять общий пафос этих описаний и оценок, то можно утверждать, что он подразумевает на самом деле некоторое число принципов, конституирующих этот стиль мышления и сообщающих ему оригинальность.

Позитивность: разрыв с негативностью, диагностикой и переход к активному, аффективному взаимодействию с объектом анализа. Этот принцип подразумевает активное взаимодействие с объектом, или текстом, замену негативных аффективных установок позитивными, призванными оберегать многомерность его референциальных отношений. Аффект рассматривается как способ более тесного, интимного взаимодействия с чувственной непосредственностью, тональностью и избыточностью объектов исследования. Вместо того чтобы подходить к объекту с подозрением, тревогой и желанием разоблачения, посткритика обращается к нему со вниманием, заботой и желанием оказать поддержку.

Рассказывать, а не осуждать; признавать слабость, а не притворяться сильным; делать возможным, а не делать невозможным; создавать, а не основывать; продолжать, а не останавливаться; поддерживать, а не разделять; заботиться, а не критиковать (De Sutter, 2019: 233).

В то же время посткритический подход исходит из того, что критика не знает заранее того, что она обнаружит в тексте, т. е. она отказывается от параноидальной цели упреждения и дает исследователям возможность быть впечатленными объектами исследования. Разумеется, никто не будет оспаривать тот факт, что объект, или текст, всегда может преподнести как неприятные, так и приятные сюрпризы.

Но важно подчеркнуть, что замена негативных аффективных установок позитивными возможна, только если мыслить объекты, или тексты, по модели не пассивной субстанции, управляемой и манипулируемой субъектами, а нечеловеческих акторов, способных к действию и обладающих одинаковым онтологическим статусом.

АКТУАЛИЗМ: привлечение внимания к современности текста, а не к историческому или любому другому контексту его возникновения. Критика, описывая объекты как продукты определенной экономической структуры, или политической идеологии, или культурного менталитета, раздувает контекст до такой степени, что они лишаются свободы

действий и аналитической специфики. В качестве альтернативы контекстуализации рассматривается модель сети, или сборки, операционализирующей множественность социального и предписывающей неограниченное связывание и коммуникацию объектов-множеств. В любой данный момент объект полностью актуализирован, встроен без остатка в текущую связь сборки. В соответствии с моделью сети, или сборки, тексты — это «нечеловеческие акторы», которые, будучи полноправными участниками событий, изменяют положение вещей, создавая различие:

Мы придаем большое значение социальным полям, дискурсивным режимам или технологиям власти и все же не принимаем во внимание тот факт, что произведение искусства — это один из акторов создаваемой им драмы (Felski, 2015: 162).

Но важно подчеркнуть, что тексты не являются акторами в индивидуалистическом смысле, они действуют не сами по себе, а, будучи встроенными в актуальную связь сборок, — во взаимодействии с другими человеческими и нечеловеческими акторами.

Если мы принимаем во внимание отличительную роль текстов в качестве «нечеловеческих акторов», задача критики будет необходимым образом состоять в осмыслении чтения как сопроизводства акторов, а не раскрытия скрытого смысла текста; как формы созидания, а не разоблачения. Интерпретация становится сопроизводством человеческих и нечеловеческих акторов, обеспокоенных выявлением новых связей, а не скрытыми значениями текста или неудачами репрезентации.

Имманентизм: движение не «вокруг», а «в глубь» объекта, или текста, выведение понятий, структурирующих аргументы текста из него самого, из его референциальных связей, а не из ранее существовавшего понятийного аппарата. Вместо того чтобы пытаться овладеть текстами или использовать их в качестве объектов, обращаться с ними как с поводом для подтверждения predetermined истин о природе капитала, власти или желания, посткритика конструирует свои интервенции в соответствии с чувственной непосредственностью референциальных взаимосвязей объекта. Текст, или объект исследования, становится явлением эстетического порядка, предпочитающего субъективное инвестирование — сциентистской отстраненности, индивидуализацию внимания — контекстуализирующей дефляции, гибкое воспоминание — абстрактным обобщениям.

Чтобы оценить со всей строгостью направленность этого предпочтения, следует иметь в виду сам момент, или событие, встречи с текстом,

ни одна из форм репрезентации, выражения или трансляции которого не будет адекватной. Событие встречи с текстом

никогда не может быть передано, признано, перефразировано, использовано, изложено или проиллюстрировано — в том смысле, что оно не может быть оторвано ни от самого текста, ни от момента чтения. То, ради чего мы читаем, наша цель в чтении — это то, что в тексте делает возможным настоящее чтение (Bewes, 2010: 28).

Нет сомнения, что в этих принципах проявляется то, что впервые за последние десятилетия решительно обновляет критическую практику. Конечно, мы не отвергаем такую перспективу. Но если мы хотим в полной мере использовать ее плодотворность, нужно следовать ей, осознавая глубокие трудности или даже тупики, с которыми сталкивается посткритика и которые могут серьезно осложнить подобную попытку обновления критики.

ТУПИКИ ПОСТКРИТИКИ

Любую критику критики можно упрекнуть в перформативном противоречии. В статье, частично посвященной Латуру и посткритике, Б. Нойс пишет:

Заниматься критикой антикритики — значит подпитывать и укреплять требования антикритики, которая предполагает, что критика никогда не сможет избавиться от привязанности к тому, что она критикует, и подняться к новой радостной, творческой и продуктивной альтернативе. Продолжать заниматься критикой, особенно критикой антикритики, значит чувствовать себя устаревшим и иногда несчастным — два клише, которыми окружен критик. По определению критик вторичен по отношению к тому, что он критикует, следовательно, уже устарел и неудовлетворен тем, что он критикует, следовательно, несчастен (Noys, 2019: 31).

Посткритикам это перформативное противоречие хорошо известно, и его нам точно не избежать. Однако в свое оправдание можно заметить, что указание на тупики посткритики призвано показать, что критика не может быть вытеснена своей противоположностью — чем бы она ни была — или полностью отвергнута. «Посткритический поворот» в гуманитарных науках может означать лишь релокализацию, децентрацию критики в качестве одного из методов поиска, накопления, трансляции знания со свойственными ему границами и альтернативами.

Итак, эта попытка смещения смысла критики от негативности к посткритической позитивности, как нам представляется, сталкивается со

многими трудностями, о трех из которых, наиболее тупиковых, мы здесь упомянем.

1. Посткритика отвергает редукционистскую эпистемологическую парадигму, которая рассматривает субъекта и объекта в качестве изолированных сущностей, в пользу гораздо более сложной концепции объекта, регулируемого референциальными взаимосвязями. Для посткритики это означает защиту реляционных сущностей от контекстуализма, редукционизма и конструктивизма. В соответствии с этой установкой нет необходимости ссылаться (подобно редукционистам) на отдельные факты или пытаться (подобно конструктивистам) разоблачать их сфабрикованный характер. В качестве посткритиков нам следовало бы описать сложные научные, исторические, этические и социальные процессы сборки, которые необходимы для возникновения такого объекта, как, например, изменение климата. В этой картине не хватает институциональных рамок сборки отношений и различных подходов. Когда Латур предлагает проводить исследование

с использованием инструментов антропологии, философии, метафизики, истории и социологии, призванное обнаружить, сколько именно участников собирается в вещи, заставляя ее существовать и поддерживать это существование (Латур, Потемкин, 2015),

он, кажется, допускает, что проблема разрешится, как только свое слово скажет большое количество дисциплин. То есть Латур точно не принимает во внимание стратегические, экономические, политические интересы в установлении порядка постистины.

Неопределенность понятия сборки, безусловно, является камнем преткновения для посткритики. Тенденция к номинализму и отказ от универсальных онтологических спекуляций размывают его границы, растворяя его до неузнаваемости. В самом деле, поскольку за пределами данной сборки могут быть только другие сборки и, следовательно, нельзя определить, являются ли они внешними или внутренними в отношении рассматриваемой сборки, сама возможность ее идентификации представляется принципиально невозможной. Стремление представить бесконечную серию возможных определений и расширений сборки в соответствии с потребностями эмпирического исследования в конце концов приводит либо к бессодержательным тавтологиям, либо к общим гипотезам. В этом отношении решающим становится вопрос о границах сборки: что должно быть включено в данную сборку, или сеть? Все ли акторы одинаково действенны? Чем обоснован выбор той или иной сборки?

Важно подчеркнуть, что определенного ограничения на то, что может включать в себя сборка, не существует: нечеловеческими акторами могут быть

лежачие полицейские, микробы, рожи, бабуины, газеты, ненадежные рассказчики, мыло, шелковые платья, клубника, планы этажей, телескопы, списки, картины, консервные ножи (Felski, 2015: 163).

Если вместе с Латуром мы спрашиваем: «Сколько нас?» (Латур, Блинов, 2018: 14) — мы уделяем повышенное внимание количеству и типу акторов и упускаем из виду иерархию интересов и, следовательно, динамику их влияния. Пространство сборки превращается в картографию разрозненных интересов, в которой они никак не упорядочены и в которой также отсутствуют критерии их сопоставления и оценки. Отчаянное стремление избежать возможных редукций и выбора неизбежно заканчивается, по сути, произвольной «инвентаризацией» разнообразного, случайного содержания.

В анализе процесса сборки кроется еще один пункт, вызывающий недоразумение. Кажется, что чем больше посткритик воздерживается от редукций и выбора, принципы которых можно было бы обсудить и даже опровергнуть, тем больше он полагается на феноменологические акты восприятия. В результате складывается впечатление, что посткритик, строго придерживающийся латуровского предписания «следуйте за акторами», включил в свою сборку все релевантные версии ее построения, наивно полагая, что он сам никаким образом не влиял на выбор и расположение человеческих и нечеловеческих акторов. Тем самым посткритик воспроизводит некритическую веру в объективирующий «взгляд ниоткуда», в котором он упрекал традиционную критику.

2. Эта трудность, относящаяся к определению понятия сборки, повторяется и, может быть, даже усиливается, как мы полагаем, в отношении «невидимых социальных сил». Посткритика возражает против редуктивного способа объяснения, который объективирует как предметы анализа, так и детерминирующие их статичные и одномерные социальные силы: общество, дискурс, власть-знание, капитализм. Отказ Латура от концепции социальной тотальности служит отправной точкой посткритического дискурса: «общества нет, социальной сферы нет, социальных связей нет» (Латур, Полонская, 2014: 153). Перспектива модели сети, или сборки, в той форме, в которой она используется Фельски и другими, как раз и позволяет избежать абстрактных обобщений или допущений существования «невидимых социальных сил». Но

желание сосредоточиться исключительно на конкретных (человеческих и нечеловеческих) акторах и сборках в ситуациях сложной, контингентной взаимозависимости приводит к тому, что крупномасштабные социальные детерминации полностью исключаются из анализа.

В то же время антифундаменталистская направленность посткритики странным образом привязана к позитивистской концепции познавательной деятельности, заключающейся в вере в непосредственно данное, во все то, что делают человеческие и нечеловеческие акторы на статичном фоне доминирующих категорий и технологий. Но, как справедливо отмечает Х. Лав, отказа от «невидимых социальных сил» или их приостановки недостаточно, поскольку в единстве истории и структуры они обнажают все свое значение формы социального воспроизводства, предопределяя политический, экономический, технологический, культурный и психологический порядки общества. Критическое взаимодействие включает в себя акты как стабилизации, так и дестабилизации, поэтому их соответствие или несоответствие своему предназначению обнаруживается не до, а в процессе производства знания: невозможно заранее судить, какие методологии будут адекватны объектам исследования.

В этом контексте объяснение через социальный «контекст» необязательно является упрощением; скорее объяснения в этом направлении могут быть заботливыми взаимодействиями как с нашими объектами, так и с их детерминантами в социальном мире (Love, 2017: 55).

Именно нарочито «плоская» топография социального, объединяющая приверженность эгалитарной онтологии с эмпирическим описанием реальности, часто способствует чрезмерно упрощенному пониманию системных асимметрий, политического конфликта и конституирования социальных регуляриностей.

Посткритика ограничивается предложением расширенной и трансформированной эпистемологии, однако она не объясняет ее отношения к сферам власти, экономики, политики. Парадоксальным образом критик, который не разоблачает, а «объединяет» или «собирает» референциальные взаимосвязи вещи, исключает из них отношения власти, власти и знания, власти и субъективности. Так, Бест и Маркус аргументируют подобного рода исключения тем, что, пока власть завуалировала свою работу, возможность критической стратегии разоблачения сохранялась, но в начале XXI века благодаря медиатехнологиям все стало видимым и прозрачным. Для подкрепления своего аргумента они приводят ряд политических примеров, таких как фотографии пыток в Абу-Грейбе,

которые «немедленно распространились по Интернету», или «репортажи об урагане Катрина в режиме реального времени», призванные показать, что разоблачение как критическая стратегия устарело (Best & Marcus, 2009: 2). Но влияние современных медиатехнологий, каким бы оно ни было значительным, тем не менее не может быть достаточным, чтобы объявить отношения власти или экономики вне критики. Получается, что видимое не нуждается ни в какой форме критики, следовательно, нет никакой необходимости включать отношения власти, дискурса, капитала в сборку.

3. Поскольку посткритика озабочена актуальностью, позитивностью объектов, текстов, она способствует исключению описаний и объяснительных стратегий, поддерживающих критические и лиминальные точки зрения на динамику власти, технологии, экономики и, как следствие, возможности социальной трансформации. Гомогенизация критики, ее редукция к негативности и разоблачению, неспособность посткритики ориентироваться в различных версиях критики, которые она превращает в инстанции «герменевтики подозрения» вне зависимости от уместности их подозрительности, подчеркивает ограниченность ее собственного подхода⁷. Такая «рафинированная» посткритика так или иначе узаконивает нападки на маргинальные точки зрения и практики, позиционируя их как ответственные за релятивистские искажения, в которых она их обвиняет. Хотя посткритика предлагает свои аргументы как возможности высвобождения пространства для множества голосов, которые были исключены традиционной негативной критикой, призывами к позитивности и примирению она рискует исключить лиминальные и радикальные способы политизации вещей, которые, как правило, сосредоточены на разоблачении технологий, отношений власти и практик исключения. Как справедливо замечает М. Пуч де ла Беллакаса, «чтобы способствовать заботе в нашем мире, мы не можем выплеснуть критические точки зрения вместе с водой разъедающей критики» (Puig de la Bellacasa, 2017: 91). Этот аргумент является не просто эпистемологическим утверждением о том, как включение различных точек зрения может обогатить понимание данного явления, но

⁷Возвращаясь к часто цитируемой фразе Латура, трудно избежать впечатления, что, в то время как посткритика вполне допускает истощение или исключение критики, новые правые присваивают средства той самой «выдохшейся» критики и используют их в радикально консервативных и даже реакционных целях.

этическим аргументом в пользу важности взаимодействия с альтернативными позициями. Вместо того чтобы критиковать технологии, загрязняющие окружающую среду, важно заботиться о них, чтобы лучше понимать развернутую сеть проблем, ценностей, материалов и всевозможных акторов, претворяющих их в жизнь.

Неэтично не то, что технология не работает или превращается в монстра, а то, что о ней перестают заботиться, ее бросают, как доктор Франкенштейн бросил свое творение... Мы должны заботиться о вещах, чтобы продолжать ответственность за их становление (Puig de la Bellacasa, 2017: 43).

Так же как Латур в свое время постулировал переход от фактических реалий к дискуссионным реалиям, обосновывая это тем, что факты представляют собой лишь фрагменты, субтракции сложных и исторически обусловленных дискуссионных реалий, Пуч де ла Беллакаса указывает на философскую актуальность и необходимость перехода от дискуссионных реалий к реалиям заботы. Понятие дискуссионных реалий несет в себе общий, нейтральный смысл политики вещей, согласно которому потенциально все может стать предметом дискуссии. Понятие заботы подразумевает более сильные аффективные и этические коннотации. Забота невозможна без критических вопросов о последствиях различных форм действий. Забота более активна. Кроме того, забота отходит от антропоцентризма, подчеркивает активную роль отношений человеческого и нечеловеческого.

Забота встроена в практики, поддерживающие паутину отношений, и всегда происходит между человеческим и нечеловеческим. Этическое распространяется на ситуацию в целом — на действия, материальные и практические аспекты, вовлеченные в процессы заботы. Здесь внимание сосредоточено не столько на субъектах этических действий и принятия решений, сколько на формировании этоса благодаря отношениям и поступкам (ibid.: 66).

Указанные трудности, с которыми сталкивается посткритика, ставят под вопрос не только ее собственную возможность, но и ее цель обновления критики. Отчасти здесь возникает чрезвычайная двусмысленность самого термина «посткритика», который можно трактовать двумя способами. Во-первых, как обозначение момента, в котором мы находимся после необходимости критических методов, подходов, политики и т. д. Во-вторых, как указание на то, что должно прийти после развертывания критических методов, подходов, политики и т. д., но что не может существовать без повторения критики / критичности как

таковой. Первая возможность представляет собой форму антикритики, которая отвергает критику, обесценивает ее цели и необходимость. В рамках второй возможности решающим становится вопрос о плюрализации критики, поскольку приставка «пост» ставит под вопрос единство категории и, стало быть, единство, однородность и целостность критики. Надо добавить, что только что определенные две возможности трактовки посткритики, противоречащие друг другу по своим принципам, радикально исключают одна другую и что между ними не может быть компромисса. С этой точки зрения задача состоит в переориентации понимания посткритики от схоластической заикленности на защите какого-то определенного понимания критики к признанию ее дифференциации и плюрализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня критика подвергается нападкам и критика критики стала привычной практикой в философии и гуманитарных науках. Сторонники посткритического подхода осуждают критику как пустое и самодовольное повторение разоблачения. Посткритикам вторят оппоненты постистины, убежденные в том, что именно неустанная деконструкция фактов способствовала теориям заговора, релятивизму и безразличию к истине, *fake news*. Вопреки всем возражениям, которые можно выдвинуть против посткритики, и всем оговоркам, которые можно сделать относительно ее состоятельности, в ней присутствует стиль философской деятельности, открывшей новые возможности для гуманитарных наук. Посткритика действительно задает важные вопросы относительно исторических предпосылок и теоретических мотивов критической традиции. Но ценность посткритики состоит не столько в ее способности предложить методологию, которая позволит гуманитарным наукам выйти за пределы негативизма критической традиции, сколько в ее вкладе в процесс переосмысления фундаментальных методов этих наук как на уровне собственного анализа и аргументов, так и на уровне дискуссий по поводу их основных категорий и концепций. Однако мы также обнаруживаем, что это переосмысление зачастую происходит за счет карикатурной версии критики, недооценки сложности и множественности фактической критической работы. То есть хотя посткритика и поднимает важные и сложные вопросы, она склоняется к тому, чтобы давать ответы, которые и по содержанию, и по риторической форме обусловлены популистским и в том числе академическим сознанием. И поскольку для последнего наиболее уязвимы именно критические, радикальные

и лиминальные точки зрения, посткритика зачастую натурализует свои собственные исключения. Такая ориентация, несмотря ни на что, заслуживает здесь упоминания из-за того убеждения, принимаемого более или менее осознанно, что критика давно уже мертва и что единственная задача гуманитарных наук, которую можно еще себе представить, отныне заключается в оправдании и защите неолиберальной реальности. Мы далеки от намерения оспаривать желание построения позитивного образа гуманитарных наук. Но гуманитарные науки без критики — это не более чем сфера обслуживания неолиберальной идеологии.

Со времен Канта критическая практика значительно усложнилась: она обогатилась целой историей, исключающей ее возрождение в форме буквального повторения. Мы по-прежнему привержены критике, и мы в некотором роде продолжаем практиковать подозрительность, но не потому, что признаем ее в качестве единственного и главного методологического обязательства гуманитарных наук, а скорее потому, что квазипопулистское посткритическое требование перехода от негативности и параноидальности к позитивности и аффективности представляется нам неудачной версией проекта «перекалибровки» гуманитарного познания. Основной импульс посткритики следует защищать, поскольку он напоминает нам, что решающей задачей гуманитарных наук остается саморефлективная практика. И все же в свете современной проблематизации истины, фактичности и объективности отношение между критикой и посткритикой следует воспринимать не через навязанные различия между методологиями, истолковываемыми как полярные противоположности негативности и позитивности, контекстуальности и аффективности, а скорее через взаимодействие этих методологий. Если критика без позитивности слепа, то позитивность без критической негативности пуста. Вместо того чтобы вслед за Латуром и другими отказываться от всех инструментов, которые предлагает критическая теория, мы должны сосредоточиться на сути посткритической аргументации и переключиться на децентрацию критики, ее дифференциацию и плюрализацию. В этом контексте посткритика будет означать не преодоление критики, позиционирование идеализированного некритического состояния гуманитарных наук, а ее деконструкцию, актуализацию ее маргинальных, периферийных возможностей. В результате деконструкции-актуализации критика дифференцируется: она не преодолевается, а прорабатывается, трансформируется и продолжает существовать во множестве своих форм. Посткритика подчеркивает именно этот факт сосуществования разных форм критики в самом

широком смысле. Проблема критики возвращается в философию и гуманитарные науки, но она возвращается как установка на выработку путей взаимодействия множественных форм критики. Именно этот вызов прежде всего будет определять успех обновления критики.

ЛИТЕРАТУРА

- Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. — М. : Эксмо, 2006.
- Керимов Т. Х.* «Онтологический поворот» в социальных науках : возвращение эпистемологии // Социологическое обозрение. — 2022. — Т. 21, № 1. — С. 109—130.
- Латур Б.* Политика объяснения : альтернатива / пер. с англ. А. Г. Кузнецова // Социология власти. — 2012. — № 8. — С. 113—143.
- Латур Б.* Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Латур Б.* Почему выдохлась критика? От реалий фактических к реалиям дискуссионным / Художественный журнал ; пер. Д. Потемкина. — 2015. — URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/2/article/7> (дата обр. 2 нояб. 2022).
- Латур Б.* Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. с фр. Е. Н. Блинова. — М. : Ад Маргинем, 2018.
- Мейясу К.* После конечности : Эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. — М. : Кабинетный ученый, 2015.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. — М. : Прогресс, 1977.
- Anker E. S., Felski R.* Introduction // Critique and Postcritique / ed. by E. S. Anker, R. Felski. — Durham : Duke University Press, 2017. — P. 1—30.
- Backman J.* A Religious End of Metaphysics? Heidegger, Meillassoux and the Question of Fideism // Rethinking Faith : Heidegger between Nietzsche and Wittgenstein / ed. by A. Cimino, G.-J. van der Heiden. — New York : Bloomsbury Academic, 2016. — P. 39—62.
- Best S., Marcus S.* Surface Reading : An Introduction // Representations. — 2009. — Vol. 108, no. 1. — P. 1—21.
- Bewes T.* Reading with the Grain : A New World in Literary Criticism // Differences : A Journal of Feminist Cultural Studies. — 2010. — Vol. 21, no. 3. — P. 1—33.
- Davies C. J.* Nietzsche Beyond Correlationism : Meillassoux's History of Modern Philosophy // Continental Philosophy Review. — 2018. — Vol. 51, no. 1. — P. 81—93.
- De Sutter L.* Pour une clinique // Postcritique / sous la dir. de L. de Sutter. — Paris : PUF, 2019. — P. 209—238.
- Felski R.* The Limits of Critique. — Chicago : University of Chicago Press, 2015.
- Love H.* Truth and Consequences : On Paranoid Reading and Reparative Reading // Criticism. — 2010. — Vol. 52, no. 2. — P. 235—241.

- Love H.* The Temptations : Donna Haraway, Feminist Objectivity and the Problem of Critique // Critique and Postcritique / ed. by E. S. Anker, R. Felski. — Durham : Duke University Press, 2017. — P. 50–72.
- Noys B.* The Hammer of the Gods : Critique, After All // The Value of Critique : Exploring the Interrelations of Value, Critique, and Artistic Labour / ed. by I. Graw, C. Menke. — New York : Campus Verlag, 2019. — P. 31–43.
- Puig de la Bellacasa M.* Matters of Care : Speculative Ethics in More Than Human Worlds. — Minneapolis : University of Minnesota Press, 2017.
- Ricoeur P.* Freud and Philosophy : An Essay on Interpretation / trans. from the French by D. Savage. — New Haven, London : Yale University Press, 1977.
- Sedgwick E. K.* Paranoid Reading and Reparative Reading or, You're so Paranoid, You Probably Think this Essay is About You // Touching Feeling : Affect, Pedagogy, Performativity. — Durham : Duke University Press, 2003. — P. 123–151.
- Sedgwick E. K.* Melanie Klein and the Difference Affect Makes // The Weather in Proust / ed. by J. Goldberg, M. Moon. — Durham : Duke University Press, 2011. — P. 123–143. — (Series Q ;)
- Warner M.* Uncritical Reading // Polemic : Critical or Uncritical. Essays from the English Institute / ed. by J. Gallop. — New York : Routledge, 2004. — P. 13–38.
- Williams J. J.* The New Modesty in Literary Criticism / The Chronicle of Higher Education. — 2015. — URL: <https://www.chronicle.com/article/The-New-Modesty-in-Literary/150993> (visited on Feb. 2, 2022).

Kerimov, T. Kh. 2023. "Uporstvo kritiki i tupiki postkritiki [The Persistence of Critique and the Impasses of Postcritique]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] 7 (2), 60–85.

ТАПДЫГ КЕРИМОВ

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, HEAD OF THE CHAIR OF SOCIAL PHILOSOPHY
 URAL FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER THE FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN
 (EKATERINBURG, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-2286-8412

THE PERSISTENCE OF CRITIQUE AND THE IMPASSES OF POSTCRITIQUE

Submitted: Feb. 20, 2023. Reviewed: Mar. 13, 2023. Accepted: Apr. 05, 2023.

Abstract: Changing critical practice in the humanities at the start of the 21st century can be meaningfully characterized as a “postcritical turn,” which, in all its diversity and intensity, is realized at the intersection of two processes. On the one hand, this is a process of exhaustion of traditional critique, immersed in the “hermeneutics of suspicion,” i. e., the ideological and symptomatic way of exposure, which has transformed over time into paranoid relativism. On the other hand, forming the “post-truth” dispositive, which devalues truth as a criterion and means of communication, thereby dissolves critique in skeptical fanaticism, relativism, and

even nihilism. The article reveals the theoretical presupposition and motives of the “postcritical turn” in the humanities, its basic principles of postcritique, and its difficulties in updating traditional critique. The article’s general argument is that, despite some well-founded claims by postcritique, by calling for positivity and reconciliation, it runs the risk of excluding critical points of view and liminal and radical ways of politicizing things. In light of the modern problematization of truth, facticity, and objectivity, the relationship between critique and postcritique should be understood not through the opposition of negativity and positivity but through the interaction and dialogue of methodologies. Postcritique in this context will mean the differentiation and pluralization of critique and the development of ways to interact with multiple forms of critique. The article begins with defining theoretical premises and motives for the exhaustion of critique. The postcritical idea of updating critique is clarified in the second part of the article. Finally, the concluding part explains the difficulties that postcritique encounters and which seriously complicate its attempt to renew critique.

Keywords: Critique, Hermeneutics of Suspicion, Postcritique, Positivity, Actualism, Immanatism, Decentration, Pluralization.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-2-60-85.

REFERENCES

- Anker, E. S., and R. Felski, eds. 2017a. *Critique and Postcritique*. Durham: Duke University Press.
- . 2017b. “Introduction.” In *Critique and Postcritique*, ed. by E. S. Anker and R. Felski, 1–30. Durham: Duke University Press.
- Backman, J. 2016. “A Religious End of Metaphysics? Heidegger, Meillassoux and the Question of Fideism.” In *Rethinking Faith : Heidegger between Nietzsche and Wittgenstein*, ed. by A. Cimino and G-J. van der Heiden, 39–62. New York: Bloomsbury Academic.
- Best, S., and S. Marcus. 2009. “Surface Reading: An Introduction.” *Representations* 108 (1): 1–21.
- Bewes, T. 2010. “Reading with the Grain: A New World in Literary Criticism.” *Differences: A Journal of Feminist Cultural Studies* 21 (3): 1–33.
- Davies, C. J. 2018. “Nietzsche Beyond Correlationism: Meillassoux’s History of Modern Philosophy.” *Continental Philosophy Review* 51 (1): 81–93.
- De Sutter, L. 2019. “Pour une clinique” [in French]. In *Postcritique*, ed. by L. de Sutter, 209–238. Paris: PUF.
- Felski, R. 2015. *The Limits of Critique*. Chicago: University of Chicago Press.
- Foucault, M. 1977. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Les Mots et les Choses. Une archéologie des sciences humaines]* [in Russian]. Trans. from the French by V. P. Vizgin and N. S. Avtonomova. Moskva [Moscow]: Progress.
- Kant, I. 2006. *Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]* [in Russian]. Trans. from the German by N. O. Losskiy. Moskva [Moscow]: Eksmo.
- Kerimov, T. Kh. 2022. “‘Ontologicheskii povorot’ v sotsial’nykh naukakh [The ‘Ontological Turn’ in the Social Sciences]: vozvrashcheniye epistemologii” [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological Review]* 21 (1): 109–130.
- Latour, B. 2012. “Politika ob’yasneniya [The Politics of Explanation]: al’ternativa” [in Russian], trans. from the English by A. G. Kuznetsov. *Sotsiologiya vlasti [Sociology of Power]*, no. 8, 113–143.
- . 2014. *Peresborka sotsial’nogo [Reassembling the Social]: vvedeniye v aktorno-sevnyuyu teoriyu [an Introduction to Actor-Network-Theory]* [in Russian]. Trans. from the English by I. Polonskaya. Moskva [Moscow]: Izd. dom Vyshey shkoly ekonomiki.

- . 2015. "Pochemu vydokhlas' kritika? Ot realiy fakticheskikh k realiyam diskussionnym [Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern]" [in Russian]. Trans. by D. Potemkin. *Khudozhestvennyy zhurnal*. Accessed Nov. 2, 2022. <https://moscowartmagazine.com/issue/2/article/7>.
- . 2018. *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. N. Blinov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Love, H. 2010. "Truth and Consequences: On Paranoid Reading and Reparative Reading." *Criticism* 52 (2): 235–241.
- . 2017. "The Temptations: Donna Haraway, Feminist Objectivity and the Problem of Critique." In *Critique and Postcritique*, ed. by E. S. Anker and R. Felski, 50–72. Durham: Duke University Press.
- Meillassoux, Q. 2015. *Posle konechnosti [Après la finitude]: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [Essai sur la necessite de la contingence]* [in Russian]. Trans. from the French by L. Medvedeva. Moskva [Moscow]: Kabinetnyy uchenyy.
- Noys, B. 2019. "The Hammer of the Gods: Critique, After All." In *The Value of Critique : Exploring the Interrelations of Value, Critique, and Artistic Labour*, ed. by I. Graw and C. Menke, 31–43. New York: Campus Verlag.
- Puig de la Bellacasa, M. 2017. *Matters of Care: Speculative Ethics in More Than Human Worlds*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Ricoeur, P. 1977. *Freud and Philosophy [De l'interprétation]: An Essay on Interpretation [Essai sur Freud]*. Trans. from the French by D. Savage. New Haven and London: Yale University Press.
- Sedgwick, E. K. 2003. "Paranoid Reading and Reparative Reading or, You're so Paranoid, You Probably Think this Essay is About You." In *Touching Feeling : Affect, Pedagogy, Performativity*, 123–151. Durham: Duke University Press.
- . 2011. "Melanie Klein and the Difference Affect Makes." In *The Weather in Proust*, ed. by J. Goldberg and M. Moon, 123–143. Series Q. Durham: Duke University Press.
- Warner, M. 2004. "Uncritical Reading." In *Polemic : Critical or Uncritical. Essays from the English Institute*, ed. by J. Gallop, 13–38. New York: Routledge.
- Williams, J. J. 2015. "The New Modesty in Literary Criticism." *The Chronicle of Higher Education*. Accessed Feb. 2, 2022. <https://www.chronicle.com/article/The-New-Modesty-in-Literary/150993>.